

СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МОДАЛЬНЫХ СЛОВ В НЕМЕЦКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматривается природа проявления модальных слов. Модальные слова представляют собой особый семантико-грамматический класс слов, который по своему лексическому составу и функциям не имеет прямого отношения к другим частям речи, поэтому модальные слова не нарушают структуры предложения.

In the given article the nature of display of modal words is considered. The modal words represent a special semantic-grammatical class of words which on the lexical structure and functions has no direct relation to other parts of speech; therefore the modal words do not break a sentence structure.

Модальные слова представляют собой особый семантико-грамматический класс слов, который по своему лексическому составу и функциям не имеет прямого отношения к другим частям речи. Модальные слова выражают субъектно-объектные отношения, т. е. отношение говорящего к той связи, которая им самим устанавливается между содержанием речи и действительностью. В этом смысле само существование модальных слов определяется не информативной, а чисто коммуникативной функцией языка, так как они отражают не объективную внеязыковую действительность, а субъективное отношение говорящего и целевую направленность речи к слушающему.

Отношение немецких грамматистов к модальным словам до сих пор остается неоднозначным. С одной стороны, под влиянием работ В.Г.Адмони, Е.В.Гульги и других советских германистов, убедительно доказавших, что данная группа слов в силу своей морфологической, синтаксической и семантической специфики должна рассматриваться как самостоятельная часть речи, аналогичный подход к данному языковому явлению оказывается всё шире представлен и в немецкой лингвистической литературе [10, с. 262; 11, с. 308]. Но, с другой стороны по-прежнему немало работ, в которых можно даже не встретить самого термина «модальное слово», а лексемы *wahrscheinlich*, *vielleicht*, *wohl*, *sicher*, *bestimmt*, *vermutlich* usw традиционно относятся к группе слов с общим названием *Partikeln* [4, с. 319]. Конечно, имеющиеся разногласия среди лингвистов по данному вопросу можно было бы оценить как, чисто терминологические или классификационные. Однако, к сожалению, они лишь отражают недостаточную степень исследованности данной проблемы и относятся к такому типу разногласий, которые возникают на начальном этапе работы с материалом, а не являются следствием его глубокого всестороннего осмысления. Работ, посвящённых изучению модальных слов как своеобразного явления немецкого языка немного, причём бросается в глаза, что большая часть написана советскими германистами [7, 8]. В этом чувствуется очередное влияние тех идей, которые были высказаны В.В.Виноградовым относительно вводных слов русского языка и которые стимулировали эти исследования.

За последние годы интерес к модальным словам значительно возрос. Так, в работах прагмалингвистического направления оживлённо обсуждается вопрос о том, являются ли модальные слова иллокутивными индикаторами определённого речевого акта. В ряде работ сопоставительный анализ модальных слов и модальных глаголов во вторичной функции строится в основном как сравнение, и даже противопоставление лексического и грамматического средств выражения различных оттенков предположения [6, с. 215]. А.Герстенкорн исходит в своих исследованиях из первоначальной идеи о том, что различие между отдельными модальными словами необходимо искать в той степени предположения (вероятности), которая связывается носителями языка с той или иной лексемой. При этом он с помощью опроса информантов стремится установить это

качественное различие в процентах [6, с. 82]. Тем самым, А.Герстенкорн фактически априори пытается уложить семантику модальных слов в уже знакомую нам линейную схему, два полюса которой ассоциируются с понятием «уверенность» и «неуверенность», ту схему, которую предложила Ф.Рейно при описании модальных глаголов во вторичной функции [14, с. 245-247].

Модальные слова современного немецкого языка — относительно молодой класс слов. Ученые датируют его появление и развитие из наречий, прилагательных и других частей речи началом ранненововерхненемецкого периода, т. е. началом XVI в. [8, с. 246]. Появление модальных слов именно в эту эпоху отнюдь не случайно. Начало XVI в. знаменательно в двух отношениях: с одной стороны, продолжается, эпоха великих географических открытий, которая расширяет представления европейского человека о мире, выводит его за рамки узкоевропейской точки зрения, приобщает к стройному макрокосму если не вселенной, то хотя бы пока земного шара. С другой стороны, именно в этот период меняется и точка зрения человека на самого себя, что находит отражение, прежде всего в искусстве, а затем и в языке. И.С.Кон так характеризует этот поворот в психическом восприятии человеком самого себя: «В средние века человеческие чувства большей частью описывались как бы «извне», объективно, путём указания их общественного или морального значения. В конце 16 — начале 17 вв. в английском языке появляются «интроспективные термины, описывающие внутренние психологические установки личности» [13, с 206].

Класс модальных слов в тюркских языках, в частности в кыргызском исторически формировался и продолжает формироваться за счет других знаменательных частей речи. Выполняя в составе предложения необычную для них функцию модального показателя, знаменательные слова утрачивали первоначальное лексическое значение, на передний план выдвигалось значение оценочное, которое в ряде случаев полностью вытесняло предыдущее. Наиболее активно в разряд модальных слов переходили наречия, глаголы, а также застывшие падежные формы имен существительных. Переход мог привести к окончательному закреплению слова в новой лексико-грамматической категории, но мог привести и к межразрядной омонимии, когда модальное слово и породившая его единица из другой части речи продолжают существовать параллельно, различаясь лишь в контексте своими функциями и семантикой.

Так, в современном кыргызском языке слова *албетте* 'конечно', *арийне* 'конечно', *балким* 'возможно', *имиш* 'будто бы', *чындыгында* 'в действительности' и другие полностью перешли в разряд модальных слов. Но ряд других может использоваться как в модальном, так и в первоначальном лексико-грамматическом значении. Ср.: например: *Ушул кысыктан ары чыкканда айыл көрүнөт* (К.Жантөшев). 'За этим мысом будет видно село', (көрүнөт — глагол в спрягаемой форме). *Өпкөмө да ок тийген* (К.Баялинов). 'И в легкие, видимо, попала пуля көрүнөт ' (көрүнөт — в значение модального слова). К этой группе относятся модальные слова: *керек*, *окойт*, *сыяктуу*, *көрүнөт*, *чыгар* и др. Все это заставляет нас принимать во внимание всю ту сложность социальных и психологических процессов, которые, по-видимому, способствовали развитию модальных форм в их различных вариантах и которые не могли не отразиться на семантических и прагматических свойствах как модальных слов, так и конструкций с модальными глаголами. К их числу относим модальные слова, выражающие различную степень сомнения говорящего, его предположения, различные нюансы его убежденности в высказываемом. Наиболее употребительными из них являются лексемы «*vielleicht*, *wahrscheinlich*; *vermutlich*, *wohl*, *bestimmt*, *sicher*, *zweifellos* usw., а в современном кыргызском языке *албетте* 'конечно', *арийне* 'конечно', *балким* 'возможно', *имиш* 'будто бы', *чындыгында* 'в действительности' Существующие разделы в немецких грамматиках, а также специальные работы, посвященные модальным словам, характеризуют, прежде всего, их морфологические и синтаксические особенности: их сходство с наречиями, неизменяемую форму, возможность трансформации в главное предложение.

Однако наиболее важным свойством модальных слов составляющим, как нам представляется, их главную специфическую особенность, является то, что они не просто представляют собой скрытые предложения, *Sätze über Sätze*» [15, с. 449], а что субъектом этих скрытых предложений всегда будет только 1-е лицо единственного числа, т. е. говорящий. Это свойство модальных слов во многом определяет или по крайней мере существенно влияет на их функционирование в высказывании. С одной стороны, будучи включенными в предложение, субъектом которого является любое другое местоимение, кроме местоимения 1-го лица единственного числа, модальные слова создают не только полипредикативную, но и полисубъектную структуру, ср.: *Ramlow war ja damals noch nicht volljährig- (Radtke G.)- Ich (der Sprecher) vermutete, dass Ramlow nicht volljährig war.* В таких высказываниях модальные слова реализуют свою истинную предназначенность: выражение сомнения, предположения относительно какого-то другого мира, мира «не-я». «Первоначальность» именно такого употребления модальных слов, т. е. в соотношении их с «не-я» - миром, находит, по нашему мнению, подтверждение и в том, что в предложениях с субъектом «не-я» они явно преобладают.

Высказывания с субъектом в 1-м лице ед. числа, содержащие модальные слова, в количественном отношении представляют собой очень незначительную группу. Модальное слово в них чаще всего является свидетельством душевного беспокойства говорящего, его колебаний, иногда мучительных размышлений, что может найти отражение в контексте, например: *Doch vielleicht war ich auch selbst schuld an diesem Missverständnis? Ärgerlich wischte ich diesen selbstkritischen Gedanken weg (Radtke G.).* Именно поэтому такие формы можно встретить во внутреннем монологе, который, как известно, подчёркивает взволнованность говорящего, его внутренний конфликт, а благодаря этому может передавать тончайшие нюансы героя. Эти психологические оттенки усиливаются благодаря тому, что авторы придают таким формально повествовательным значениям характер вопроса, создавая тем самым своеобразную контаминационную структуру, колеблющуюся между повествованием и вопросом.

Наконец, ещё одной особенностью высказывания с субъектом в первом лице единственного числа является то, что употребление модальных слов рассматриваемого типа с целым рядом пропозиций представляется очень сомнительным. Это касается, в частности таких предикатов, которые в синсемантике содержат элемент «полагаю, считаю, имею мнение». Довольно странно с семантической точки зрения выглядели бы формы типа *ich bin wohl der Meinung.. Ich glaube wahrscheinlich...* Соответственно и в русском языке: Я, наверное, считаю, что... Я, по-видимому, думаю что...., ср. семантически совершенно безупречные формы: *Er ist wohl der Meinung... er glaubt wahrscheinlich...* Естественно, речь идёт лишь о высказываниях, предикат которых употреблён в презенсе Этот вид семантических отражений очень напоминает то, что было выявлено в отношении форм презенса индикатива.

Как одно из основных свойств модальных слов грамматисты нередко отмечают то, что их употребление ограничено в основном повествовательными предложениями [11, с. 215]. Эта ограниченность синтаксических контекстов в значительной мере заложена уже в самой семантике модальных слов – в их соотносительности только с говорящим лицом и их скрытом перформативном характере, что изначально предполагает повествовательную структуру.

Однако, как показывает языковой материал, функционирование модальных слов в современном немецком языке отнюдь не всегда связано только с повествованием. Они могут встречаться и в структуре вопросительного предложения — ср. кроме уже приведенных примеров: *Heizt ihr wohl den ganzen Tag? (H. Fallada); Ist Jachmann vielleicht hier? (H. Fallada),* и даже в структуре побудительного предложения, семантика которого, казалось бы, полностью исключает присутствие в нем модального слова: нельзя одновременно выражать свою волю (основное значение императива) и свое сомнение, предположение и т. п. Тем не менее многочисленные примеры свидетельствуют о том, что

сочетание этих значений в речи далеко не редкость: *Vielleicht gehen Sie schauen, was drin gewünscht wird.* (В. Brecht). В кыргызском языке модальные слова широко используются в диалогической речи, замещая целое предложение: — Быйыл да планы ашыра орундатасынарбы? — Сөзсүз! — И в этом году перевыполните план? — Безусловно! Объяснить возможность подобного употребления модальных слов только с учетом их семантики вряд ли возможно. Не проясняют картину и те семантические классификации модальных слов, в основе которых лежит градация уверенности говорящего — от твердой абсолютной уверенности до сильного глубокого сомнения.

В. В. Виноградов высказал в свое время мысль о том, что модальность, выражаемая вводными синтагмами, совершенно иного типа, чем модальность, включенная в форму предиката [5, с. 67]. Это утверждение можно с полным правом отнести и к модальным словам современного немецкого языка. Особый характер модальности, выражаемой данными лексическими единицами, связан в первую очередь с тем, что уже в самом основном качестве модальных слов, в их соотношении только с говорящим лицом заложен тот прагматический параметр, который во многом предопределяет специфику их функционирования.

Употребленные без вводного глагола, который становится своеобразным комментарием к чужой речи (*sagen, behaupten, erzählen usw.*), модальные слова из оценки, высказанной третьим лицом, мгновенно превращаются в модальную оценку, сделанную говорящим. Этому в немалой степени способствует и то, что модальные слова имеют только один временной план — план настоящего. В отличие от синонимичных или близких по значению знаменательных глаголов типа *vermuten, annehmen, ahnen usw.*, конструкций с модальными глаголами во вторичной функции и других семантически близких глагольных конструкций типа *überzeugt sein, Zweifel haben usw.*, модальные слова могут выражать только сиюминутное сомнение, предположение, уверенность и т.д. В кыргызском языке к примеру, модальное слово *имиш* 'будто, будто бы' исторически представляет собой форму причастия от древнего вспомогательного глагола э (р) 'быть*'. Выступая в роли модального слова, *имиш* сочетается с глаголами или именами, входит в состав сложного сказуемого, принимает личные аффиксы и придает высказыванию в целом характер предположительности: *Түшүм ошондо эки эсе көбөйөт имиш* (Ч. Айтматов). 'Урожай тогда повысится будто бы в два раза'. *Ал талдын кылда башында гана он чакты бүрү бар имиш* (К. Жантөшев). 'Лишь на самой макушке той ивы есть, как, будто бы, около десятка листьев'. Модальное слово *керек* может носить и характер предположения, если в предложении речь идет о действии совершившемся или совершающемся в данный момент: *Класстагы балдар биздин сөздү тыңшап турган болуу керек* (А. Токомбаев). 'Ребята, находящиеся в классе, должно быть, нас подслушивают'. *Ал бирдемеге нааразы болуу керек* (А. Токомбаев). 'Он, должно быть, на что-то обижается*.

С оттенком предположительности модальное слово *керек* употребляется чаще всего в сочетании с условным наклонением глагола: *Биздин үй эбак жатып калса керек* (М. Элебаев). 'Наш дом, должно быть, уже давно спит'. *Мен төшөктө бир ай чамасында жатсам керек* (М. Элебаев). 'Я должно быть, пролежал в постели около месяца'.

Модальные слова по своей природе резко отличаются от других лексических средств тем, что они не вступают в синтаксические связи с другими синтаксическими категориями, т.е. не выступают в роли того или иного члена предложения, а выполняют функции вводных слов. В диалогической речи модальные слова выступают в качестве слов – предложений. Наличие или отсутствие модальных слов в составе предложения не нарушают его структуры. Семантика модальных слов распространяется на содержание всего предложения. Это и есть природа проявления модальных слов.

Литература:

1. Баскаков Н.А. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков, - М., 1956.
2. Батманов И.А. Грамматика киргизского языка. -Фрунзе, 1940.

3. Бордович А.М. Модальные слова в современном русском литературном языке. Минск, 1956.
  4. Weydt H. Partikeln und Interaktion, Tübingen, 1983.
  5. Виноградов В.В. «О категории модальности и модальных словах в русском языке»//Труды института русского языка АН СССР, - М., 1956, Вып. 2 с. 67.
  6. Gerstenkorn A. Das Modalsystem im heutigen Deutsch//Münchener Germanistische Beiträge, München, 1976.
  7. Гулыга Е.В. Модальные слова в современном немецком языке// Учёные записки МГПИЯ, 1955, Т.7.
  8. Гуревич В.А. Употребление модальных слов в современном немецком языке// Уч. Записки ЛГПИ, 1959 Т. 190, ч.1.
  9. Джапаров А. Синтаксический строй киргызского языка, в 2 т. – Б.: Мектеп, 1992.
  10. Dieling K. Modalwörter des Wissens und Glaubens-Versuch einer Klassifikation//DaF, 1985.
  11. Dieling K. Zur Subklassifizierung der deutschen Modalwörter//DaF, 1986.
  12. Захарова В.А. Грамматика киргизского языка. -Фрунзе, 1987.
  13. Кон И.С. Открытие «Я», - М., 1978.
  14. Raynaud F. Die Modalverben im zeitgenössischen Deutsch//DaF, 1976, Heft 4.
  15. Helbig G., Buscha J.Deutsche Grammatik, Leipzig, 1974.
  16. Чонбашев К.С. Сопоставительная грамматика киргизского и русского языков. - Фрунзе, 1980.
- Шаршеев Н. Модальность и модальные слова в киргизском языке. Автореф. канд. дис., - Фрунзе, 1969.